

Экспедиционная работа московских археологов в 1937 г.

Как и в предшествующие годы, экспедиционная работа московских археологов проводилась в самых разнообразных районах Союза ССР. В этой разбросанности пунктов обследования нет ничего необъяснимого: до сих пор, несмотря на огромные, казалось бы, скопления археологического материала в музеях, даже в Европейской части Союза, где раскопки начаты около 100 лет тому назад, большинство важнейших исторических пунктов совершенно не затронуто обследованием. Это затрудняет исследование стадийного развития древнейших обществ: непосредственный переход общественной группы с одной ступени на другую может быть показан на вещевом материале в исключительно редких случаях. Понятно, что в таких условиях обнаружение новой «культуры» — комплекса вещевого материала, связанного с определенным типом жилищ, погребальных или иных сооружений и характеризующего с необходимой отчетливостью стадию развития общества данной области, является важным событием.

Кадры археологов не настолько велики, чтобы обслужить в одинаковой степени весь ряд первоочередных проблем, выдвигаемых изучением истории. Перед археологами стоит задача — изучить наш палеолит и в кратчайший срок ликвидировать отставание в этой области. Вполне понятно в нашей многонациональной стране стремление воссоздать историю отдельных народов, входящих в дружную и тесную семью, спаянную Сталинской Конституцией. Отсюда — многообразие экспедиционной тематики.

Крымская экспедиция Антропологического института МГУ (О. Н. Бадер) произвела обследование палеолитических памятников восточной части горного Крыма — в Карасубазарском, Зуйском, Старо-Крымском и Алуштинском районах. Открыто около 10 стоянок, большей частью тарденуазского времени, на Демерджи и Караби-Яйле; закончена раскопка грота Буран-Кая, где в культурном слое азийской эпохи обнаружены, между прочим, кости быка. Наиболее интересны раскопки в пещере Чагарак-Коба, в которой, кроме мустьерских кремневых орудий, открыто значительное количество костей носорога, пещерного льва и гиены, дикой лошади, медведя, сайги и др.

Деснинская экспедиция ИИМК Академии наук УССР и Гос. музея антропологии (М. В. Воеводский) производила в 1937 г. обследования и раскопки палеолитических стоянок в Новгород-Северском и Гремячском районах Черниговской области. Второй год раскопок 2-й Чулатовской стоянки дал на площади 200 кв. м два кострища, мастерскую кремневых и костяных орудий и несколько тысяч готовых изделий, датируемых позднемадленской эпохой; кость встречалась почти исключительно как подолочный материал.

Вторая тема работ экспедиции — продолжение раскопок стоянки на окраине г. Новгород-Северска, давшей в прошлом новый вид орудий — «гигантолиты» и часть ребра мамонта с резьбой, должно быть, магического характера; прекрасно сохранившийся фаунистический материал содержит большое количество костей леммингов; датируется стоянка несколько более ранним временем, чем предыдущая.

На протяжении 33 км побережья Десны предварительное обследование установило 10 палеолитических стоянок, из которых 1-я Пушкаревская имеет насыщенный слой,

давший на 25 кв. м около 1 000 орудий вблизи двух кострищ. По аналогии с Костенковской стоянкой она относится к позднеориньякскому времени.

И л ь с к а я экспедиция (проф. В. А. Городцов) продолжала раскопки палеолитической стоянки у ст. Ильской на Северном Кавказе. Целью работ 1937 г. было доследование площадки стоянки и поиски жилищ (гrotто и т. п.). В основном слое были собраны орудия, подтверждающие датировку его солютрейским временем; среди немногочисленных орудий из кости определен обломок кирки. Изучение фаунистического материала установило преобладание в нем костей гигантского оленя; кроме него, отмечены мамонт, благородный олень, зубр, лошадь, осел, гиена.

Выше обнаружен культурный слой мадленской эпохи; открыты очаг из крупных камней и орудия, материалом для которых служили яшма, кремнь и доломит; отмечается присутствие пластинчатых ножей, микролитических круглых скребков и узких пластин из доломита с поперечным слегка зашлифованным рабочим краем.

Третий год работ К р ы м с к о й палеолитической экспедиции ГИМ (Д. А. Крайнов) отмечен раскопками в пещере Замиль-Коба № 2, давшими особенно важный материал по древнейшей истории горного Крыма.

В пещере Замиль-Коба № 2 вскрыта площадь 180 кв. м и разобран культурный слой мощностью 3 м, вплоть до скалистого дна пещеры. Исследователь определил здесь 12 слоев, часть которых оказалась немymi и разделяющими культурные отложения различных эпох. Первый, верхний слой принадлежит татарской средневековой культуре; третий—таврской, датируемой V—IV вв. до н. э.: в пятом открыты следы так называемой Кизил-кобинской культуры; седьмой слой, конца неолита или начала бронзы, дал большое число находок: орудия из камня и кости, интересную мотыгу из рога оленя, обломки орнаментированной глиняной посуды, отмечаемой для Крыма впервые, украшения из зубов животных и кости, принадлежащие, между прочим, оленю и кабану; кроме того, обнаружен зуб человека. В девятом слое открыто три кострища, большое число каменных орудий, кости животных и раковины; этот слой относится к раннему неолиту. Десятый и одиннадцатый слои исследователь на основании предварительного анализа определяет, как относящиеся к двум стадиям тарденуазской эпохи; находки в них не так многочисленны, как в расположенных выше, а кострища одиннадцатого слоя отличаются небольшими размерами. Наконец, двенадцатый слой не содержит культурных остатков. Раскопки пещеры дали до 300 каменных орудий, значительное число костей животных и рыб, керамику, относящуюся к четырем эпохам, и пр. Культурный слой, сохранивший памятники древнейшей истории и более позднего времени, вплоть до ранней стадии классового общества, заслуживает самого серьезного внимания.

Культурный слой площадки перед пещерой Замиль-Коба № 1, содержащий кремневые резцы, нуклеусы, ножевидные пластины, микролиты, скребки, скобели и т. п., кости кабана, оленя и косули, относится исследователем к тарденуазской и азильской эпохам.

К а р е л о - Б е л о з е р с к а я экспедиция ГИМ и МОГАИМК (А. Я. Брюсов), закончив обследование намеченного первоначально района, предприняла в 1937 г. маршрутную рекогносцировку по речным долинам восточного берега Белого озера и западного—Чарондского. Кроме того, на небольшом островке, обычно недоступном для работы из-за высокого уровня воды, на Сиверском озере у г. Кириллова, был заложен шурф, обнаруживший культурный слой с костями животных и керамикой; последняя аналогична открытой в 200 км к северу, на оз. Лаче. Экспедиция обнаружила и несколько новых стоянок; наиболее интересными признаны стоянки у с. Погостище на левом берегу р. Модлоны и на мысу Бык западного берега Чарондского озера. Заслуживает внимания стоянка у устья р. Перешной на правом берегу р. Модлоны, где в толще намывной глины, налегающей на древнюю дюну, найдено большое число каменных и костяных орудий, костей животных и керамики; в слое намечаются 2 горизонта.

На р. Еломе, в 9 км от истока, при разработке глины для кирпичного завода был обнаружен культурный слой и погребение человека, лежавшего на спине, головой на юг; ко времени приезда экспедиции кости погребения были затеряны, и утрачена возможность определить точно время погребения; шурф доказал присутствие культурного слоя с обломками сосудов, орудиями из кремня и костями животных.

Обследование стоянки у с. Салменицы на берегу оз. Сандер (открыта Б. Ф. Земляковым) дало большое число орудий из кремня и кварца и наконец-то дротика из шифера. Эта стоянка датируется началом III тысячелетия до н. э.

С а я н о - А л т а й с к а я экспедиция ГИМ и ГАИМК см. статью С. В. Киселева в настоящем номере.

Т р и п о л ь с к а я экспедиция МОГАИМК и ИИМК Академии наук УССР см. статью Т. С. Пассек в настоящем номере журнала.

Чувашская экспедиция Центрального Чувашского музея и МОГАИМК (О. Н. Бадер) продолжала раскопки Балановского могильника в Козловском районе ЧАССР и открыла в 1937 г. 48 погребений, не закончив обследования всего могильного поля. Значительное количество вскрытых могил позволило установить типичные особенности их устройства и определить характерный инвентарь мужских, женских и детских погребений. Как и в предшествующие годы, наблюдалась необычная для ранне-бронзовых погребений сохранность вещей, сопровождавших погребения, в частности—керамики; последняя отличается хорошей формовкой; часть сосудов близка фатьяновским; орнамент расположен в верхней части сосудов. Из отдельных предметов необходимо отметить бронзовый вислобушный топор, небольшие топоры из глины, бронзовые шилья и украшения в виде колец, трубочек и пр., а также «гребень» из метакарпальных костей, должно быть, лося, вправленных в деревянный брусек.

Этот чрезвычайно важный памятник принадлежит если не варианту Фатьяновской культуры, то ее близкому аналогу, датируясь 1-й половиной II тысячелетия до н. э.

Окская экспедиция Высших музейных курсов (О. Н. Бадер) произвела в 1937 г. обследование долины р. Оки от Рязани до Касимова. Наиболее важным достижением экспедиции следует признать обнаружение 6 стоянок Поздняковской культуры (северный вариант срубно-хвалынской) 2-й половины II тысячелетия до н. э. и раскопки одной из них, начатые у оз. Подборного близ г. Касимова; на ее поверхности были замечены 6 продолговатых впадин; в процессе раскопок выяснилось соответствие их древним землянкам; площадь, раскрытая в текущем году, захватила часть двух землянок размером около 9×15 м. В культурном слое обнаружены кости лошади, свиньи и коровы; среди вещевого материала нужно отметить найденную в землянке разбитую каменную мотыгу.

Северная экспедиция ГИМ (М. Е. Фосс) имела в 1937 г. задачей рекогносцировку побережий рр. Сухоны и Юга, поскольку значительная часть Северной области—ее восточная часть—остается до сего времени неизученной. Обследования в районе В. Устюга охватили берега Сухоны на протяжении 45 км, ее притоки—Верхнюю и Нижнюю Ергу и р. Юг с Лузой на расстоянии 50 км. Основным пунктом работ экспедиции в этом районе является дюнная стоянка близ с. Мармулино на р. Юге. Предварительный анализ вещевого материала дает основание датировать стоянку началом I тысячелетия до н. э. и признать ее типичной для восточной части Северной области, заселенной в начале влажного субатлантического периода.

В этом же районе экспедиция обследовала городище «Орлец» у с. Троицы, относящееся к XVII в., памятники которого крайне редко являются объектом археологических работ.

На побережьях Сухоны разведка проводилась, кроме того, в окрестностях г. Тотмы; здесь также на дюнах высоко над современным уровнем реки были открыты на обоих берегах две стоянки.

Кавказская экспедиция ГИМ (Е. И. Крупнов), проведенная совместно с Ингушским музеем краеведения и Северо-Осетинским музеем, работала в 1937 г. на территории Северо-Осетинской и Ингушетской АССР. В первой были произведены контрольные раскопки на могильнике «Верхняя Рутка» близ с. Кумбулте; он был известен погребениями середины I тысячелетия н. э.; экспедиция открыла нетронутую могилу, в инвентаре которой были обнаружены «скифские» бронзовые наконечники стрел, а также большая бронзовая булавка и пряжка, обычные в памятниках Кобанской культуры. К ней же относятся найденный раскопками клад бронзовых предметов, не замеченных грабителями и отчасти принадлежащих Кобанской культуре. Таким образом, возвращение археологов к этому, казалось бы, исчерпанному памятнику доставило новые данные о скифской культуре в горном районе Кавказа; вместе с этим вновь встает вопрос о недостаточной точной датировке Кобанской культуры. Продолжение работ, начатых в 1935 г. в окрестностях с. Верхней Кобани, подтвердило правильность датировки могильника в ур. «Загли Барзонд» ранней порой бронзовой эпохи.

К значительно более позднему времени—к средневековью—относятся два святилища у сс. Кумбулта и Донифарс со своеобразными складами жертвенных приношений—черепов и рогов охотничьих животных. К более поздней эпохе—XVII—XVIII вв.—относятся обследованные экспедицией надземные склепы у сс. Лизгор и Донифарс, а также каменные погребальные ящики Галиатского могильника.

Работы в Чечено-Ингушетской АССР были проведены в окрестностях с. Алхасте на берегу р. Ассы, где следует отметить селище, занимающее большую территорию; его культурный слой достигает 1 м мощности; при разведочных раскопках здесь было обнаружено значительное количество обломков орнаментированной керамики, подделки из кости и два обломка бронзовых украшений. До обработки всего материала селище можно датировать приблизительно I тысячелетием до н. э.

Из других памятников этого же района следует упомянуть катакомбное погребение второй половины I тысячелетия н. э., имеющее некоторое сходство с аланскими погребениями. Наконец, раскопано три кургана XIV—XV вв. н. э., связанные культурой с населением Малой Кабарды.

Никопольская экспедиция, организованная Никопольским краеведческим музеем при содействии МОГАИМК (Б. Н. Граков), продолжала обследование курганного поля близ г. Никополя. Раскопано три небольших скифских кургана с погребениями в катакомбах (IV—III вв. до н. э.). Кроме того, начато раскрытие большого кургана, надсыпавшегося три раза; пока в нем обнаружено 26 погребений, большей частью ямной культуры. Обследование дюнных стоянок левого берега Днепра открыло вещевой материал, характерный для скифской культуры IV—III вв. до н. э.

Усть-Чусовский отряд Камской экспедиции ГАИМК (А. В. Збруева) закончил в 1937 г. раскопки Конецгорского селища на правом берегу р. Чусовой, близ ее устья, и продолжал работу на селище у оз. Грязного, у впадения Чусовой в Каму. В первом пункте установлено, что узкая и длинная яма, открытая в прошлом году, является большой землянкой и оканчивается узким выходом на северо-западный склон мыса. В культурном слое попрежнему встречались предметы, датирующие селище Ананьинской эпохой; заслуживают внимания находки зернотерок, каменных пестов, бронзовых наконечников стрел, железных ножей и, особенно, глиняных изображений человека и фигурок, должно быть, служивших для какой-то игры.

Во втором пункте, у оз. Грязного, были обнаружены 2 землянки 4×4 м, соединенные узким проходом. На дне землянок около очагов и стен обнаружены, между прочим, кремневые наконечники стрел, скребки и ножи, а также—два топора-молота и кирка из камня. Эта стоянка относится ко времени появления в крае первых металлических орудий.

Внеплановая экспедиция для раскопок Торфельного городища близ Орджоникидзеграда, на левом берегу р. Десны, была организована МОГАИМК (Е. И. Горюнова). Небольшая площадь городища подсыпана и, кроме вала, окружающего ее, защищена вторым у подножья городища, с напольной стороны. Мощность культурного слоя 50—80 см. Значительную часть площади занимала большая продолговатая землянка; ее плетневые стены были обмазаны глиной; куски этой обмазки насыщают культурный слой. Значительные скопления образуют в нем обожженные глиняные метательные шары; из других глиняных изделий интересны: детская погремушка, катушки и пряслица, украшенные ямочным орнаментом и имеющие знаки собственности, а также подставки в виде вертикальной пластины с расширенным основанием, выемкой в верхнем краю и круглым отверстием в центре; назначение их не выяснено. Предварительное определение костей из культурного слоя установило принадлежность их лосю, медведю, бобру, лошади и корове. Находки грузил указывают на занятие обитателей городка рыболовством. Железные предметы немногочисленны и отличаются небольшой величиной; ножи имеют слегка выгнутый обухом, а топор-колун напоминает плоский утюг. Кость заменяла высоко ценившееся железо, что подтверждается находкой струга из ребра крупного животного. Среди найденных украшений необходимо отметить бронзовые серьги в виде колпачков, аналогичные скифским золотым IV в. до н. э., булавки: бронзовую в виде пера и железные с эсовидно загнутым кольцом. Особый интерес представляют две небольшие фигурки лося из глины.

Городище является памятником так называемой Дьяковской культуры, было обитаемо членами одного родового коллектива и датируется последними столетиями перед началом нашей эры.

Фанагорийская экспедиция ГИМ (А. П. Смирнов) и МИИ (В. Д. Блаватский) работает с 1936 г. на городище Таманского полуострова, предполагаемом месте города эллинистического и римского времени—Фанагории. В 1937 г. продолжалось раскрытие культурного слоя в северо-западной части городища. За последний рабочий период раскопана площадь 257 кв. м; мощность культурного слоя достигала 5 м. Стратиграфически он делится на 10 напластований. Древнейший, десятый сверху слой, относящийся к V—IV вв. до н. э., находится в настоящее время ниже уровня моря, почему раскопки требовали непрерывного удаления воды, просачивавшейся в выемку. Среди отдельных находок необходимо отметить обломки архаических, округлых в профиле амфор и чернолаковой посуды. Архитектурных остатков этот слой не содержит. В вышележащем слое обнаружена часть вместилища, напоминавшего формой и величиной ванну; стенки ее образованы из слоя черепков, промазанного изнутри глиной; последняя сохранила следы сильного и неравномерного обжига; в археологической практике подобное обжигающее сооружение открыто впервые; назначение его пока не установлено. В этом же слое было открыто основание очага из сырцового кирпича; очаг имел подковообразную форму; его размеры: 0,9 и 0,6 м; в высоту сохранился на

0,2 м. Начиная с этого слоя и до позднейшего встречаются остатки вымосток, стен и водосточков, перекрывающие одни другие и говорящие о неоднократном возведении новых сооружений над остатками старых и о частичной реставрации и перделке последних. Следующий, восьмой слой дал, между прочим, скопление глиняной черепицы—как бы пласт, образовавшийся из упавшей крыши; в этом же слое обнаружены обломки местной лощеной керамики, терракотовых статуэток, монеты и части резной костяной шкатулки; дата слоя—конец IV—начало III вв. до н. э. В покрывающем его седьмом слое открыта яма для хранения зерна, выложенная камнем; она имела грушевидную форму; глубина ее равнялась 1,34 м, поперечник устья—0,7 м и дна—1,16 м. Из находок в слое отмечаются сильно окисленные боспорские монеты и обломки мегарских чаш. Шестой слой, относящийся к I в. до н. э., дал много медных боспорских монет, глиняные пирамидальные грузила и куски штукатурки с цветной обмазкой. Такой же вещевой материал с добавлением фрагмента статуэтки сидящей женщины, части руки мраморной статуи, глиняного светильника и 8 резных костяных ложек, не получивших окончательной отделки, обнаружен в пятом слое, относящемся к I в. н. э.

Архитектурные остатки четырех верхних слоев сохранились неудовлетворительно из-за расхищения камня на постройки, распаски и кладоискательских ям; отдельные предметы и их обломки также зачастую обнаруживаются во вторичном залегании. Среди находок необходимо отметить обломок скифского бронзового псаля с головой грифона, глиняную статуэтку Артемиды с ланью, торс Афродиты, обломок женской фигуры, светильники эллинистический и византийский и т. п.

Продолжение раскопок некрополя на холме к западу от городища дало 53 могилы, как эллинизированных горожан, с деревянными саркофагами и гробами, краснолаковыми и стеклянными сосудами, светильниками и т. п., так и населения, державшегося старых местных верований, что подчеркивается скорченным положением погребенных и захоронением в одной могиле собаки. Обнаружена также двухкамерная катакомба с 5 или 6 погребениями вблизи от катакомбы, вскрытой экспедицией 1936 г.; обе катакомбы оказались уже ограбленными. Из вещей, оставленных грабителями, особенно интересны: пластинчатая серебряная фибула, небольшие серебряные пряжки от портупей, мечи, краснолаковое блюдо и стеклянные сосуды.

Х о р е з м с к а я экспедиция ГАИМК (А. И. Тереножкин) в 1937 г. работала в Каракалпакской АССР, к северу и северо-востоку от Турккуля. Интересны два района вдоль старых высохших арыков. В одном на полосе до 5—6 км в длину и до 1,5 км шириной открыт замок Беркут-Кале, с поселками ремесленников, двумя укрепленными усадьбами по концам и 60 укрепленными постройками в промежутке между ними. Кроме небольшой разведки на площади поселка у центрального замка, обследована жилая башня одной из средних построек. Обычно башня входит в переднюю сторону четырехугольной ограды со сторожевыми башнями по углам и хозяйственными постройками внутри двора. Башня стоит на цоколе до 4 м высотой. Ограда сохраняется в высоту до 8—9 м; все осмотренные сооружения—глинобитные. В обследованной башне выяснена планировка помещений, среди которых интересно хранилище для воды, запасававшейся в 14 крупных глиняных корчагах. Комплекс находок ярко освещает объем хозяйства владельца; кости животных принадлежат корове, лошади и дикой козе. Среди найденных зерен удалось определить пшеницу, просо, ячмень, «джугару», «маш» (сем. бобовых), хлопок; косточки плодов принадлежали урюку, персикам и винограду; встречены также резанные сушеные груши. Благодаря сухости почвы удалось обнаружить клочья ваты, куски войлока, бараньей кожи, одежды из меха и часть полы стеганого на вате халата. Из остальных предметов можно отметить оттиски печатей на комьях глины. Датируются эти постройки V—VIII вв. н. э.

Разведка в окрестностях Беркут-Кале обнаружила на поверхности почвы значительное количество более древних предметов: «скифских» бронзовых стрел, монет парфянского типа, бус, бронзовых украшений, большое число пряслиц и пращевых камней и т. п.

В расстоянии около 15 км от этого района открыт подобный же второй, также на берегу старого арыка; на нем находятся развалины двух торгово-ремесленных городков Гульдурсун-Кала и Коват-Кала; постройки сохранились особенно хорошо близ второго; на некоторых заметна отделка стен полуколоннами. В этом же районе у мазара Наримджан-Баба раскопан дом, давший материал бытового и хозяйственного характера: металлические украшения, посуду, умывальники, жернова, очаги, печи для лепешек (тандыр) и образцы строительного материала. Близ этого же городка раскопана часть кладбища; из 28 обнаруженных погребений часть принадлежала мусульманам, остальные—с расчлененными костями—населению, державшемуся местных, древних традиций.

Памятники этого района датируются X—XIII вв., но встреченные в раскопках монеты принадлежат периоду от начала н. э. до XIV в.

Разведка у Аяз-Калы открыла 2 замка V—VII вв. и крепость VIII—IX вв.; в долине обнаружена еще одна крепость, предположительно относимая к первым векам нашей эры. Кроме того, осмотрены близ Шабая развалины Пиль-Кана, подобные одной из крепостей Аяз-Калы VIII—IX вв. и крепость Шурахан X в.

Из сверхплановых экспедиций, осуществленных московскими археологами в 1937 г., необходимо отметить раскопки Гочевского городища Белевского района, Курской области, проведенные для Курского областного музея (Б. А. Рыбаков). Высокий правый берег р. Псел в районе обследования имеет два мыса на расстоянии около 250 м один от другого; с напольной стороны каждый огражден валом и рвом; еще один вал, проходящий позади городища, замыкает площадь селища, защищенного с реки этими двумя городищами; за валом начинается известный Гочевский курганнык, насчитывавший более трех тысяч насыпей. Раскопки начаты на западном городище, где раскрыта часть площади и в двух местах прорезан вал, достигающий в высоту 7 м и насыпанный спустя значительный промежуток времени после возникновения поселка на мысу; под насыпью обнаружено продолжение культурного слоя площади городища, а в сложную конструкцию вала вошли прослойки и линзы, где встречены наиболее древние находки: бронзовый втульчатый наконечник стрелы с шипом на пластинчатом пере и обломки керамики, украшенной бугорками, выдавленными изнутри сосуда.

Нижний горизонт культурного слоя, относимый к VII—X вв., заключал в себе очаги двух типов; полость первого имеет яйцевидную форму; в глиняные стенки изнутри вставлены глиняные конусы; кроме отверстия сверху, имеется второе—сбоку; второй тип представляет глубокий навес, три стенки которого вылеплены из глины, а свод образован глиняными конусами, скрепленными также глиной. Землянок в этом нижнем слое не обнаружено. Как указывалось, часть древнего культурного слоя пошла на сооружение вала, что произошло в X в.; к X—XI вв. относится верхний горизонт культурного слоя. В нем пока открыта одна жилищная яма полукруглой формы, примыкающая к подошве вала, с пологими стенками и очагом из камней.

Предварительное определение выделило из фаунистического материала кости лося, медведя, коровы и лошади; кости рыб и чешуя открывались большими скоплениями; в одном обломанном сосуде сохранилась сплошная масса каких-то зерен и стеблей. Керамика городища однообразна; горшки и корчаги нижнего слоя отличаются толщиной стенок; украшением служил зубчатый пояс из отгисков палочки, обвитой бечевкой. Керамика является основной массой находок; кроме упомянутых типов сосудов, необходимо упомянуть о находках обломков глиняных сковород. Глиняные грузила в виде усеченных конусов орнаментированы ямками; глиняные приспича обнаружены обычной формы. Изделия из железа немногочисленны; кроме узкого топора, следует отметить небольшие серпообразные ножи с отверстием у основания пластины. Среди костяных предметов выделяется крупная изогнутая игла, покрытая зубчатым орнаментом; ее тыльная часть обработана в виде звериной головы с раскрытой пастью.

Раскопки, произведенные ранее на Гочевском курганном некрополе, определили принадлежность его радничам X—XII вв., которые, очевидно, были обитателями селища и городища. Относительная однородность вещевого материала культурного слоя в целом позволяет предположить и в VII—X вв. принадлежность поселка славянам,—факт, в случае подтверждения дальнейшими раскопками, исключительной научной важности, так как дореволюционной археологии, несмотря на огромное число обследованных памятников, не удалось открыть славянских древностей раньше IX—X вв. Только за последние годы некоторые городища и курганы, открытые в Воронежской области, определены, как славянские VII—IX вв. Продолжение раскопок на Гочевском городище и селище, а также разведка на территории курганника являются неотложной задачей большого научного значения.

Верхнекамский отряд Камской экспедиции ГАИМК (М. В. Таплицкий) второй год ведет раскопки Роданова городища, расположенного на правом берегу р. Камы, 50 км ниже Березняков. Площадь городища, около 2 000 кв. м, несколько выдается из линии берега, с напольной стороны обнесена невысоким дугообразным валом, обнаруженным в процессе работы при разборе культурного слоя; в насыпи вала открылись ряды небольших пятен, указывающих на один или два плетня. Это ограждение отвечает позднему поселению, которое исследователь датирует X—XIII вв. Относящиеся к этому времени землянки городища имели небольшие размеры; пол их был смазан глиной, а покрытие—из соломы. На относительно небольшой площади, открытой в 1937 г. (320 кв. м), было обнаружено около 20 остатков этих землянок; обычной принадлежностью их являлись очаги и ямы-кладовые. На небольшом участке удалось открыть связь верхнего слоя с нижним, относящимся к IX в.; землянки этого слоя отличаются большой величиной, имея также очаги и ямы для хранения припасов. Особенностью древнего поселка были усадьбы, огражденные плетнем

и включавшие землянки и ямы (хранилища). Поселок защищался ровиком, следы которого открыты под валом.

Быт населения освещается в значительной степени характером находок, среди которых нужно выделить кости животных; предварительный разбор установил принадлежность их диким и домашним животным, в числе которых отмечается лошадь; в соответствии с этим заслуживает упоминания находка двух горбуш (примитивные косы). На роль земледелия в хозяйстве указывают находки сошника и круглого жернова. Сношения с крупными промышленными центрами, скорее всего с болгарскими городами, подтверждаются находками обломков сфероконических сосудов и поливной посуды; даже в нижнем слое, оставшемся от поселка с более примитивным хозяйственным укладом, были обнаружены привозные призматические сердоликовые бусы и значительное количество бус более ранних, может быть VIII в. Необходимо отметить, что в городке X—XIII вв., несмотря на его небольшие размеры, существовало ремесленное производство; в одной из раскрытых землянок обнаружены скопления шлака и два глиняных сопла. Не останавливаясь на перечислении других категорий находок, необходимо упомянуть о костяных ложках, украшенных резными головами животных.

В 1937 г. закончилась пятилетняя работа Суварской экспедиции МОГАИМК и ГИМ (А. П. Смирнов). На территории этого болгарского города, одного из крупнейших на Средней Волге, определяется три слоя: первый—X в., второй—монгольский—XI—XII вв. и третий—XIII—XIV вв. Доследование центрального кирпичного здания, стоявшего на перекрестке двух главных улиц, установило, что оно являлось дворцом, имело размеры 20 × 7 м, было двухэтажным, снаружи отчасти или целиком украшалось голубыми и темнозелеными изразцами и профилированными кирпичами; внутри стены были оштукатурены. Кругом площади, занятой дворцом, и по городским улицам располагались деревянные дома горожан с глинобитными печами и ямами для хранения зерна. Тип этих построек однороден во всех горизонтах культурного слоя; очевидно, монгольское завоевание не внесло коренной ломки в условия жизни Сувары. Город имел две деревянные стены; внутренняя, с валом и рвом, являлась более серьезной защитой, чем внешняя—тын на валу. Внутренняя стена XI—XII вв. имела башни; раскопками остатков одной из них установлена ее восьмигранная форма и поперечник, равный 4,5 м. С восточной стороны к городу прилежала слобода, в которой, судя по найденному вещевому материалу, жили ремесленники, главным образом, металлурги. Среди находок последнего года наибольший интерес представляют: поддельная монета X в., осколки китайской фарфоровой посуды, обнаруженные около дворца, и обломки глиняной поливной, обычной в обиходе горожан; кроме того, найдены бронзовые украшения и резная кость, служившая для отделки различных бытовых предметов.

Эски-Керменская экспедиция Севастопольского музейн. объединения и ГАИМК (из Москвы—Е. В. Веймарн), ведущая с 1928 г. раскопки средневекового города Эски-Кермен (в 12 км к юго-западу от г. Бахчисарая), продолжала раскрывать в 1937 г. оборонные сооружения с пещерными и полупещерными казематами, обследовала район восточных крепостных ворот и жилые комплексы внутри города; последние относятся к X—XIII вв. Раскопки подтвердили прежнее заключение о гибели города после большого пожара и разграбления. В одном из обследованных подвальных помещений найдены костяки трех взрослых и трех детей, очевидно, искавших там убежища и погибших после обвала горевшего здания; с ними были обнаружены ценности, захваченные в минуту опасности: золотая византийская монета (XII—XIII вв.), перстень и др. В процессе раскопок собрано большое число отдельных предметов, жерновов, гребней для расчески шерсти, цельный пифос и т. п., а также многочисленные обломки керамики.

Обследованный слой расчленяется на три горизонта, соответствующие трем периодам жизни города, связанным с крупным строительством и реконструкцией его; следует отметить, что планировка последнего периода разнится от предшествующей.

Вышгородская экспедиция ИИМК Академии наук УССР и ГИМ (Л. А. Голубева, А. Д. и З. А. Маневские и С. А. Тараканова), начавшая в 1934 г. раскопки древней великокняжеской резиденции Вышгорода (в 60 км выше Киева по Днепру) избрала для обследований 1937 г. три объекта. Во-первых, частично раскопан фундамент церкви, выстроенной до 1115 г. Вторым пунктом обследования был вал детинца; в его толще открыт деревянный сруб—так называемый «тарас», забитый глиной и являющийся одним из звеньев бревенчатой конструкции, идущей в основании всего вала. Третьим, наиболее интересным объектом раскопок было раскрытие 800 кв. м восточной части детинца; здесь обнаружены расположенные параллельными рядами усадьбы участки с землянками и ямами очагов, защищенных навесами на столбах. Землянки в среднем имели размеры 4 × 5 м; глубина ям небольшая; в углах сохранились следы столбов, поддерживавших кровлю; кроме очагов и предокажных ям, в нескольких случаях были обнаружены земляные лежанки. Иногда вещевой мате-

риал ясно указывал на профессию хозяина жилища; так, скопления шлака, инструменты, медный штамп и глиняные черепки с остатками эмали и крупинками серебра характеризовали жилища ремесленников—металлургов и ювелиров; интересной находкой производственного значения является льячка в форме птицы. Мастерская гончара с горном для обжигания посуды была открыта за валом, на посаде. Экспедиция собрала большое число обломков сосудов со знаками мастеров; был обнаружен также фрагмент поливной статуэтки, изображавшей мужчину в колпаке. Кроме сосудов местной работы, найдены обломки амфор, служивших для перевозки с юга вина. На промыслы населения указывают обнаруженные в культурном слое грузила от неводов, большое количество костей животных, а также зерен и косточек плодов. Вместе с обычными для Киевской земли крупными литыми медными «тельными» крестами были найдены крестик и перстни из янтаря.

Весь комплекс находок указывает на образование культурного слоя в XI—XII вв.

Новгородская экспедиция ГИМ (А. В. Арциховский) закончила в 1937 г. раскопки на Славне, начатые в 1932 г. Каменная городская стена постройки 1335 г. была прослежена на пространстве, доступном для раскопок, в длину на 200 м. Значительный интерес попрежнему представляют части жилых и производственных деревянных построек, прекрасно сохранившиеся, благодаря местным почвенным условиям, ниже основания стены; наиболее древние из них относятся к X в. Среди обнаруженного при раскопках вещевого материала выдающийся интерес представляют памятники политического строя города—вислые свинцовые печати; на одной из них—надпись: «Савина печать тиюна новгородского», на другой: «Печать новоторжского наместника». Среди произведений изобразительного искусства необходимо отметить костяную бляшку с резной маской мужчины в стиле рукописного орнамента. Вещевой материал, характеризующий производство и ремесла новгородцев XI—XIII вв., в раскопках 1937 г. представлен, между прочим, кузнечными клещами длиной около 1 м, фрагментами керамики с клеймами, указывающими на преемственность этого производства у представителей трех поколений одной и той же семьи; интересны также пять жомов из массивных деревянных обрубков для производства масла; архаичность этого способа подтверждается находкой аналогичного предмета на Урале в слое, датируемом концом II—началом I тысячелетия до н. э.

В 1937 г. начала работы Мордовская экспедиция ГИМ и МОГАИМК (А. Е. Алихова), задачей которой является исследование памятников по истории мордвы. Проверка литературных указаний на мордовский могильник в г. Горьком (на кладбище у церкви Покрова) не дала положительных результатов, может быть, из-за условий работы. Второй пункт раскопок был намечен в г. Наровчате, Куйбышевской области, в центре территории, заселенной мордвой. Здесь, в пригороде Старая Сотня, на улице и вусадьбах был обнаружен мордовский могильник XIV в., эпохи татарского господства в районе. На могильнике, частично обследованном 10 лет тому назад Московским антропологическим институтом, экспедиция вскрыла 46 погребений, ориентированных головой на юг. Исследовательница отмечает, что большинство обнаруженных женских погребений отличалось положением на правом боку, подогнутыми ногами и помещением кистей рук у лица. Деревянный или лубяной футляр для косы, покрытый медной витушкой, встречен у части женских погребений; иногда витушка заменена ремнем, обвитым медной проволокой. Среди украшений наиболее обычным является застёжка—сюльгам. Из мужских погребений, сопровождаемых обычным инвентарем, выделяется одно, в котором ориентировка была обратная—головой на север; под черепом обнаружены три серебряные татарские монеты XIV в., чеканенные в г. Мусхи.

Археологические раскопки в районе Большой Москвы и по Москве-реке между Царицыном и с. Беседами проводились МГУ и Высшими музейными курсами (О. Н. Бадер); эти работы вновь подтвердили густоту славянского населения области в период, непосредственно предшествовавший возникновению крупного центра—Москвы. Аналогичные раскопки были произведены для студентов МГУ коллективом ГИМ (А. В. Арциховский) близ ст. Поваровка, Октябрьской ж. д., и для Московского Дома пионеров и октябрят у с. Пузиково, Подольского района (А. Б. Рыбаков).

Д. Эдинг